

Основано на реальных событиях

**ТАНЯ
ЧИТЕР**

Сурья

Таня Читер

Сурья

«Автор»

2026

Читер Т.

Сурья / Т. Читер — «Автор», 2026

Эта история основана на реальных событиях. Две войны. Поиск себя. Конфликт поколений. Религиозные разногласия. Анархия 90-ых. Экзистенциальные вопросы. Атеизм или вера? Кровные узы или родство душ? Свобода или любовь? Вечный круг жизни от смерти к рождению. Или наоборот? Жизнь главного героя бьёт ключом: отец-фронтовик, которому трудно понять младшего сына, поиск себя и смысла жизни, отторжение семьи, Афганистан, бегство от оборотней в погонах и далёкое путешествие в Индию, обретение нового дома и близких, и, конечно, светлая пронзительная любовь. Его зовут Сурья!

© Читер Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Праздник или похороны?	5
Глава 2. Имя для счастливой жизни	7
Глава 3. В семье разлад, так и дому не рад	9
Глава 4. Серьёзное решение и судьбоносный выбор	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Таня Читер

Сурья

Глава 1. Праздник или похороны?

Москва, начало мая двухтысячного года. Город застыл в паузе между затянувшейся слякотной зимой, не по-весеннему холодным апрелем и майским обещанием почти летнего тепла. Ветер разносил по Чистых прудах свежий пробуждающий аромат. Он пах молодой листвой, мокрым асфальтом и той особенной, терпкой и острой свободой, что витала в столице с начала девяностых.

На скамейке бульвара, окружённая стайкой зевак, сидела пара хиповатого вида: худой и длинноволосый парень, с лицом аскета и взглядом поэта, в широких штанах и длинном тёплом пиджаке поверх простой рубахи и длинноволосая симпатичная девушка в демисезонном, длинном, почти до земли, платье. В руках парень держал кену¹ — странную флейту без мундштука. Он самозабвенно играл, и инструмент был голосом ветра в пампасах, плакал криком одинокой птицы и шептал на языке забытых богов. Мелодия тосковала и ликовала одновременно, заставляя прохожих забывать о спешке и останавливаться, чтобы послушать эту необычную живую музыку. Девушка – спутница музыканта не просто слушала — она растворялась в звуках, забыв о том, что находится в центре живого человеческого круга в Москве, а не на одинокой горной вершине Кайласа.

Внезапно пронзительная верхняя нота резко оборвалась. Музыкант опустил инструмент и настороженно прислушался. Из-за поворота, со стороны Покровских ворот, нарастал иной ритм — мощный, гипнотический бой барабанов.

Толпа на аллее заволновалась и расступилась, образуя живой коридор.

По Чистопрудному бульвару двигалась похоронная процессия. Впереди, пританцовывая и звеня караталами², шла группа людей в шафрановых одеждах. Они играли на мридангах³, пели мантры и улыбались так светло, что это казалось почти вызовом ситуации. За ними четверо несли гроб с телом. Укрытый белой тканью и украшенный гирляндами цветов, в центре столичного города России он выглядел неорганично, как бельмо на глазу снайпера.

А следом за кришнаитами шли они. Престарелые родители скончавшегося.

Два островка скорби с фотографией смущённо улыбающегося молодого мужчины в траурной рамке. Судя по фото, ему не было и сорока. Отец в поношенном пиджаке, увешанном боевыми наградами Великой отечественной войны. Скорее всего, ему было не больше семидесяти пяти, но горе согнуло его так, что он казался старше. Старик с гордостью нёс тяжесть своего фронтового кителя. Медали на его груди висели золотыми гроздьями, но сейчас их блеск потускнел, словно придавленный свинцовой плитой потери. Рядом шла мать в траурном чёрном наряде. Такой же чёрный платок скрывал волосы, привлекая внимание к глазам, потерявшим цвет и ввалившимся от горя.

Контраст бил наотмашь. Радостный грохот барабанов, ритуальные танцы и безмятежные улыбки против согбенной спины отца и застывшей маской на лице матери.

¹ Кена – продольная флейта, традиционный инструмент индейцев горных районов Южной Америки

² Каратала - индийский ударный музыкальный инструмент. По сути, это пара небольших металлических тарелочек (дисков), соединённых шнурком или верёвочкой. В переводе с санскрита «кара» означает «рука», а «тала» — «ритмический рисунок».

³ Мриданга - индийский музыкальный инструмент, двусторонний барабан, распространённый преимущественно в Южной и Восточной Индии. Название происходит от санскритских слов «мрид» (глина или земля) и «анг» (часть тела), что буквально означает «имеющий глиняную часть».

Процессия поравнялась с парой на скамейке. Музыкант инстинктивно прижал к груди свою кену.

Один из шествующих, парень с сияющими глазами и бритой головой, отделился от группы танцующих. Он подошёл к музыканту и положил руку ему на плечо.

— Брат! — Его голос звенел энергией и детским восторгом. — Пойдём с нами! Сурья⁴ ушёл в лучший мир! Он переродился! Мы провожаем его с музыкой! Пойдём помянем! У нас там рис с карри, прасад... Сурья был бы рад!

Музыкант растерянно посмотрел на жену. В его глазах читался немой вопрос: «Как это возможно?»

Молодая жена медленно встала. Она перевела взгляд с безудержно веселящихся на лицо матери в чёрном платке. И, казалось, что-то поняла.

— Пойдём, — тихо сказала она, беря мужа под руку.

Они шагнули вперёд, встраиваясь в процессию.

Впереди двигалась группа танцующих кришнаитов. За ними несли гроб, позади двумя тёмными пятнами ковыляли старики-родители — свидетели великой войны, два усталых путника, заблудившихся в этой новой жизни. Замыкала процессию молодая пара хиппи: музыкант с женой шли на поминки к человеку по имени Сурья, которого они никогда не знали и не видели при жизни.

⁴ Сурья – переводится с санскрита, как «Солнце»

Глава 2. Имя для счастливой жизни

1965 год. Конец лета. Роддом на окраине Москвы. Пахнет хлоркой, кипячёным молоком и тревогой, которая всегда висит в воздухе там, где жизнь балансирует на грани небытия. Но здесь, в палате для выписывающихся, царило умиротворение. Это территория победы жизни над смертью.

Женщина, которой по паспорту едва исполнилось тридцать восемь, но чья усталость и мудрость тянули на все пятьдесят, ловко пеленала младенца. Движения были отточены до автоматизма — это был уже третий её ребёнок. Она делала это без суеты, с мягкой улыбкой глядя на розовый сморщенный комочек счастья.

— Красавец какой, — вздохнула соседка по палате, ставшая почти подругой - такая же измученная, но счастливая мать. — Ир, ты не сказала, как назовёшь-то?

— Александром, — голос женщины звучал тихо, но твёрдо. — В честь деда его. Сашей будет.

— Хорошее имя, сильное! — Кивнула товарка. — Под стать брату Володе и сестре Алёне будет. Гордость семьи!

Младенца уложили в стопку чистого белья. Женщина поднялась, оправила платье, которое стало ей велико после родов, накинула лёгкое драповое пальто и взяла свой тощий фибровый чемоданчик. Медсестра, строгая женщина в несвежем халате, приняла у неё свёрток с ребёнком.

Они вышли в гулкое фойе. Здесь воздух был другим — он пах мокрым пальто, духами «Красная Москва» и предвкушением золотой осени.

У окна стоял мужчина лет сорока в драповом же пиджаке и фетровой шляпе. Рядом с ним переминался с ноги на ногу старший мальчик, лет шести, хмурый, с гладко зачёсанными назад волосами, в серой лёгкой куртке и тёмных брюках. А за его спиной девочка лет десяти с косами в цветастом платье и расстёгнутом плаще поверх него. При виде жены и ребёнка, лицо мужчины дрогнуло и расплылось в широкой, немного глуповатой улыбке.

Он шагнул навстречу жене, протягивая букет слегка увядших красных гвоздик.

— Ну, здравствуй, Ириша, — пробасил муж, неловко целуя улыбающуюся жену в щеку, пахнущую больничным мылом. Затем, воровато оглянувшись, он вложил в руку медсестре мятую трёхрублёвую купюру.

— Спасибо вам, голубушка, за заботу, — негромко сказал он, принимая ребёнка.

Медсестра молча кивнула, пряча купюру в карман, и тут же потеряла к семье всякий интерес.

Мужчина прижал сына к груди, заглядывая под кружевной уголок одеяла.

— Вот оно, счастье... Пятеро нас теперь. Жаль только, мать твоя не дожила до такой радости, — прошептал он скорее самому себе.

В этот момент старушка деревенского вида, терпеливо ждавшая кого-то у выхода, не выдержала. Её глаза, выцветшие от времени, с любопытством впились в младенца.

— Какой хорошенький! Только покрестите вы его скорее, а то ведь сглазят! — Доброжелательно посоветовала она.

Отец вздрогнул, словно его ударили. Лицо его мгновенно окаменело, приняв официальное выражение.

— Да что вы такое говорите?! — Сердито шикнул он, инстинктивно прижимая сына к себе крепче. — Я же партийный!

— Мы — атеисты, — весело сверкнув зубами, отрезала дочь, подбегая и заглядывая в свёрток с братом, лежащий на руках у отца.

Старший сын Володя, который всё это время молчал, переводя строгий взгляд со старушки на родителей, наконец внёс свою лепту. Он посмотрел на женщину неодобрительно и взросло, пробасив:

— А бога нет!

Та осеклась на полуслове, отшатнулась и, попятившись, поспешила скрыться в толпе других встречающих.

Семья вышла на улицу, в сырой апрельский день, оставляя позади запахи больницы и «суеверия прошлого».

Глава 3. В семье разлад, так и дому не рад

Саша рос, словно цветок, пробившийся сквозь асфальт планов его отца. Он был добрым, до болезненности мечтательным мальчиком, чьи мысли вечно витали где-то в облаках, пока руки, по мнению его отца, должны были держать молоток или гаечный ключ. Он не был плохим сыном, он был просто... не тем.

Гараж. Для отца это было святилище, место, где пахло машинным маслом, бензином и мужским, осязаемым делом. Здесь всё имело своё место и своё предназначение. Здесь рождался порядок.

Саша – подросток четырнадцати лет в зимнем пальто сидел на ящике с инструментами и смотрел в маленькое пыльное окошко гаража на темнеющее небо, где загораются первые звёзды. В его глазах — целая вселенная.

Отец в тёплой телогрейке копался с машиной, скрючившись под капотом. Из его рта вырывались облачка пара. Он с грохотом бросил на пол только что поданный сыном ключ и громко раздражённо выкрикнул:

— Опять в облаках витаешь? Я тебе русским языком сказал: «Ключ на семнадцать»! Сем-над-цать! А ты что мне суёшь? Это «тринадцать»! Ты вообще меня слушаешь или где?

Саша вздрогнул, словно его вырвали из другого мира. Он испуганно посмотрел на отца и, молча взяв нужный ключ, протянул его дрожащей, покрасневшей от холода рукой.

Андрей Иванович выхватил ключ и начал с остервенением ковыряться в карбюраторе старенькой «Волги», продолжив чуть тише, но с горечью в голосе:

— Ты же в армию собрался? Вот там в армии тебе твои фантазии быстро из башки выбьют! Там думать не надо! Там надо приказы выполнять! А ты... ты как девчонка. В облаках витаешь. Ни толку от тебя, ни проку.

Отец с грохотом бросил гаечный ключ на верстак. Металлический звон эхом отразился от стен гаража.

Андрей Иванович отвернулся к капоту, всем своим видом показывая разочарование.

Саша молча продолжал подавать ему инструменты, но его плечи поникли. Он украдкой смотрел не на детали двигателя, а в окно, на звёзды, до которых, как ему кажется, он никогда не дотянется. Он чувствовал себя бракованной деталью в идеально отлаженном механизме.

Вечером того же дня приехала старшая, уже замужняя сестра Алёна.

Кухня была залита мягким светом. Мать поставила на стол две чашки с чаем. Напротив неё сидела дочь. Она была элегантно одета, на пальце обручальное кольцо. Приехав в гости, она принесла матери сладкие гостинцы.

Ирина вздохнула, помешивая чай:

— Ох, дочка... Опять они с отцом сцепились. Андрей весь вечер сам не свой ходил. А Саша... (она кивает в сторону двери) ...заперся у себя в комнате, как сын. Сидит, молчит. Я ему ужин носила, так он даже не притронулся. Весь в себе. Да ещё эти разговоры об армии! А время сейчас опасное!

Алёна слушала мать, и в её взгляде читалось понимание и сочувствие:

— Я поговорю с ним, мам. Не переживай. А до армии Сашке ещё четыре года! Он переживает, вот увидишь! Да и в Афгане за это время всё успокоится...

Дверь на кухню тихо открылась. На пороге стоял Саша. Вид у него был потерянный, плечи опущены. После разговора с отцом в гараже, он выглядел так, словно из него выпустили весь воздух. Саша сделал шаг, входя на кухню, и остановился.

Алёна ободряюще улыбнулась брату, молча встала, подошла к нему и, ни слова не говоря, крепко обняла. Александр замер, а затем уткнулся лицом сестре в плечо. Алёне подумалось,

что Володька — тот бы оттолкнул, а Сашка — обнимает в ответ, не разучился нежничать, хоть и подросток...

Мать тихо встала из-за стола и вышла из кухни, осторожно протиснувшись мимо стоящих у самой двери детей и оставляя их вдвоём. Она понимала: сейчас им нужен этот разговор без свидетелей.

Постояв так немного, Алёна отстранилась, взяла брата за руку и силой усадила за стол:

— Так. Чай стынет. И я тебе печенье принесла. Твоё любимое.

На столе действительно стояла тарелка со сладостями.

Саша посмотрел на чай пустым взглядом.

— Зачем на меня продукты изводить? Он сказал... отец сказал, что от меня никакого толку.

Голос брата сорвался. Алёна пододвинулась ближе, накрывая его руку своей ладонью:

— Глупости. Ты самый сильный человек в этой семье. Просто твоя сила... она другая. Не гаечными ключами измеряется. И её не все замечают...

Она пододвинула ему чашку с чаем к Саше поближе:

— Пей. Сахара две ложки, как ты любишь. А хочешь знать, почему отец бесится? Потому что он боится. Боится, что ты слишком умный для этого мира. Что ты видишь то, чего другие не замечают. А он — как все. И это его пугает до чёртиков. Он ведь любит тебя, просто... (Алёна пожалала плечами) ...по-своему.

Брат поднял на сестру удивлённый взгляд. Он никогда не думал об этом так.

Алёна с улыбкой потрепала Сашу по волосам:

—

Ты не как я или Володя. И слава богу. Представь себе мир, где все были бы такими правильными занудами?

Брат фыркнул, и напряжение наконец отпустило его. Он взял печенье и откусил. Первый раз за вечер Саша чувствовал себя не сломленным подростком, а просто младшим братом, которого любят таким, какой он есть.

Сестра попила чаю и уехала домой. Ближе к ночи мать нашла Сашу на балконе. Тот стоял в одиночестве в холодной темноте и смотрел на огни зимнего города. Перед её появлением подросток курил, но, когда открылась дверь на балкон, успел выкинуть сигарету. Она полетела вниз, оставляя за собой длинный красный гаснущий след.

— Саш... — голос матери был мягким, но в нём слышалась непреклонность. Она положила руку на плечо сына. — Не обижайся на отца. Но он прав. Ты... как будто не от мира сего.

Она помолчала, подбирая слова.

— Посмотри на Володю. Он в свои двадцать уже помощник председателя профкома. Институт заканчивает на заочном! У него всё по полочкам: работа, карьера, планы. Отец им гордится. Потому что Володя — это продолжение его самого. Отец наярив все свои связи, чтобы он не пошёл служить, и Володя получил «бронь». А ты... ты, как птица. Тебе и так тесно в этой жизни, как в клетке. А ты ещё служить собрался!!! А в армии железная структура и дисциплина! Как ты там будешь?

Саша повернулся к матери. В свете фонарей его глаза блестели.

— Мам, а я не хочу быть, как Володя. Мне душно от этого всего. И я не пойду в этот их профком бумажки перекладывать.

Мать тяжело вздохнула и погладила его по волосам.

— Я знаю, сынок. Знаю. Но и ты пойми... Отец хочет для тебя стабильности. Защиты. Он боится за тебя. Ты слишком... открытый. Слишком ранимый для этого мира. Даже Алёна, девушка, хорошо устроилась в этой жизни. С мужем живут душа в душу. Только вот детишек пока нет. Тебе бы пример брать с брата и сестры, а ты....

Саша молчал, лишь сильнее сжимал руками перила балкона. В его глазах блестели слёзы обиды и непонимания.

Ирина шагнула к сыну, мягко коснувшись его плеча:

— Я не прошу тебя становиться, как отец. Просто... постарайся его понять. Ему страшно за тебя.

Саша сбросил руку матери и резко отвернулся к двери, с горечью выплюнув:

— А я не хочу, чтобы он за меня боялся! Я просто. Хочу. Быть. Собой!

И быстро вышел с балкона в комнату.

Ирина смотрела ему вслед, и в её глазах читалась боль матери, которая видит, как рушится связь между её сыном и мужем, но не знает, как её починить.

Мать нервно поправила волосы, махнула рукой и, вздохнув, тоже ушла с балкона.

А Александр остался при своём мнении. Так и не найдя себе места в семье и достигнув восемнадцати лет, он сделал то, чего от него никто не ждал. Пошёл в военкомат и написал заявление с просьбой отправить его в Афганистан, где всё ещё шла война, добровольцем.

Глава 4. Серьёзное решение и судьбоносный выбор

В квартире царил суёт. Мать плакала. Отец рвал и метал. Александр сидел на полу посреди своей комнаты. Перед ним стоял старый фибровый чемодан. Парень методично, без суеты, складывал в него вещи: пару свитеров, книгу, бритвенный станок.

В комнату без стука зашёл отец.

— Ты с ума сошёл?! — Закричал он, багровея лицом. — Я всю жизнь пахал, чтобы вас с Володькой от этого оградить! А ты сам? Сам голову в петлю суёшь?!

— Это мой выбор, пап, — тихо, но твёрдо ответил Александр. — Я должен это сделать. Ты же сам был на войне!

— Да, был и знаю, какой это ад!

Отец вышел из комнаты, со злостью хлопнув дверью.

Почти сразу зашёл старший брат Володя.

Он уже пару лет как работал под руководством отца и сейчас держал маску старшего, умудрённого жизнью мужчины.

Ещё от двери брат с наигранным смешком воскликнул:

— С дуба рухнул? Ты что, серьёзно?

Александр, не ответив, продолжил собирать вещи.

Володя подошёл ближе и заговорил тише, с нажимом, действуя точно так же, как недавно Андрей Иванович:

— Отец же может сделать тебе отсрочку. По здоровью. Мне же сделал. Он может договориться, чтобы тебя даже не трогали. Ты мог бы тоже пойти в институт... Как нормальный человек.

Александр застыл на секунду, держа в руках свитер. Затем, словно очнувшись, аккуратно сложил его и опустил в чемодан.

— Это твой путь, Володя. — Просто ответил он брату. — Не мой...

Володя взорвался, его маска спокойствия слетела:

— Да при чём тут путь?! Это же Афган, Саша! Там убивают! Ты что, думаешь, это как в кино про героизм? Это грязь, кровь и смерть! Ты дурак? Полный дурак!

Александр наконец поднял на брата глаза. В его взгляде не было ни страха, ни обиды. Только стальная решимость.

— Это моё решение!

Он отвернулся от брата и снова начал складывать вещи.

Володя долго смотрел на его спину с бессильной яростью и жалостью. Наконец он понял, что не сможет остановить Сашу.

— Психи... Все вы, добровольцы, психи. — Выдохнул он, выходя из комнаты и, как недавно отец, громко хлопнув дверью.

Александр даже не вздрогнул. Он продолжил собираться. Он не мог объяснить родителям, что армия казалась ему единственным местом, где его примут таким, как он есть. Где хаос войны может оказаться честнее лицемерного порядка благополучной, но скучной советской действительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.